

Голованева Татьяна Александровна

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ

Организация референциального плана фольклорного текста во многом объясняется его жанровой спецификой. В мифологических рассказах особенности актуализации персонажей в тексте обусловлены наличием двух диаметрально противоположных полюсов объективной и мифологической реальностей. Высокая степень определенности персонажа-человека контрастирует с предельно низкой степенью референции сверхъестественных сил. Контрастное представление персонажей мифологического рассказа в тексте обусловлено прагматикой жанра и выражает стремление рассказчика достичь эффекта достоверности изображения встречи с представителями мифической реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 3. С. 93-95. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

15. **Топоров В. Н.** К объяснению нескольких славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов / отв. ред. Г. П. Клепикова. М.: Наука, 1975. С. 3-49.
16. **Трубачев О. Н.** Труды по этимологии. Слово. История. Культура: в 4-х т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 800 с.
17. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
18. **Шахматов А. А.** К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. 216 с.
19. **Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд** / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1987. Вып. XIV. 270 с.

ON SEMANTIC RELATIONS BETWEEN THE WORDS OF ETYMOLOGICAL CLUSTERS OF INDO-EUROPEAN ROOTS *LEIP AND *TELP/TALP

Galochkina Tat'yana Anatol'evna

*I. M. Sechenov First Moscow State Medical University
tgalochkina27@gmail.com*

The article discovers the specificity of semantic relations between the words of etymological clusters of Indo-European roots *leip and *telp/talp. The author identifies the affinity of some words of the root *telp/talp cluster and the root *leip cluster. The researcher used conceptual metaphors when studying semantic relations between the words of the mentioned clusters. Their usage allowed the author to justify the necessity to include some words of the root *telp/talp etymological cluster into the semantic fields of the root *leip etymological cluster.

Key words and phrases: conceptual metaphor; etymological cluster; affinity of words; semantic field; reduplication; homonymy.

УДК 398

Организация референциального плана фольклорного текста во многом объясняется его жанровой спецификой. В мифологических рассказах особенности актуализации персонажей в тексте обусловлены наличием двух диаметрально противоположных полюсов объективной и мифологической реальностей. Высокая степень определенности персонажа-человека контрастирует с предельно низкой степенью референции сверхъестественных сил. Контрастное предствление персонажей мифологического рассказа в тексте обусловлено прагматикой жанра и выражает стремление рассказчика достичь эффекта достоверности изображения встречи с представителями мифической реальности.

Ключевые слова и фразы: референция; мифологический рассказ; персонаж; имя собственное; термины родства; степень определенности референта.

Голованева Татьяна Александровна, к. филол. н.

*Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск
gta-77@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ РЕФЕРЕНЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ

Любой фольклорный текст можно исследовать в трех аспектах. Во-первых, прослеживая этнографические параллели, соответствующие данному тексту, во-вторых, отмечая весь комплекс составляющих элементов композиционной структуры и образной системы, в-третьих, изучая лингвистические закономерности построения фольклорного текста. Язык фольклорного произведения отражает не только образные особенности народной речи, устойчивые вербальные формулы, но и специфику преломления действительности в тексте. В этой связи обратимся к особенностям моделирования референциального плана фольклорного текста, а именно – мифологического рассказа.

Референтные свойства текста позволяют говорить о соотношенности высказывания и действительности. Исследования в области теории детской речи позволили предположить, что человеческая речь в эпоху своего становления обладала максимально высокой степенью референции. В начале формирования детской речи однословное высказывание всегда представляет собой часть ситуации, «таким образом, однословное высказывание всегда референтно» [1, с. 22]. Возникнув как максимально референтная, в процессе развития речь приобретает способность не только отражать объективную действительность, но и моделировать иную, альтернативную реальность.

В фольклорном тексте, как и в литературном, создается особая, вымышленная реальность. Однако эта вымышленная реальность может позиционироваться рассказчиком как абсолютно объективная, достоверная. Установка говорящего на достоверность изображения – характерная черта мифологических рассказов. Прагматика мифологического рассказа влечет за собой выбор таких языковых средств, которые позволяют рассказчику приблизить слушателей к «проживанию» невероятной ситуации встречи со сверхъестественными силами. Моделирование текста мифологического рассказа ориентировано на создание чувственных переживаний. При этом наблюдается следующая закономерность: чем достовернее детали изображения, тем реалистичней будет

воспринята самая фантастическая история. В мифологическом рассказе общая сюжетная линия может быть невероятной, но детали эмпирически достоверны. Б. Н. Путилов отмечал, что в мифологическом рассказе «принцип достоверности выступает как организующее начало» [3, с. 8]. Этот принцип достоверности отчетливо проявляется на языковом уровне. В тексте мифологического рассказа выявляются объективные языковые факты, которые отражают стремление рассказчика создать достоверную картину встречи с мифическими существами.

Чем более традиционен персонаж, тем больше вероятности, что он будет введен в текст с минимальной преамбулой. И наоборот, менее востребованное имя / наименование персонажа может потребовать поэтапного введения его в ткань текста.

В мифологических рассказах имена собственные встречаются только у людей, в отличие от сказок, где имена имеют не только люди, но и животные. В фольклорном произведении упоминание имени традиционного персонажа отсылает не столько «вниз», сколько «вверх», ко всем тем теориям, которые слушатели уже не раз слышали о том или ином сказочном или мифологическом персонаже. Такое распределение лексических средств референции обусловлено жанровой природой фольклорного текста, включенностью текста в систему традиционных представлений.

Использование имени собственного позволяет усилить референциальную определенность повествования. «В начале текста при первом употреблении, имя собственное – индексальный знак, подобный неопределенному артиклю. <...> В этой позиции имя собственное осуществляет катафорическое указание, отсылая получателя “вниз”, в последующее пространство текста» [2, с. 47]. Нельзя утверждать, что в мифологических рассказах апелляция к имени собственному обязательна для персонажей-людей, но то, что актуализация имени собственного существенно повышает степень достоверности мифологического рассказа, не вызывает сомнений. Приведем несколько примеров: *Дружинин рассказывал... Он ехал ночью. Там где-то омут был* [3, с. 50, текст 64]; *Это мне Некрасов рассказывал. Поехали они по ягоду. Он ружье взял. И вот запоздались. Пришлось в лесу ночевать* [Там же, с. 31, текст 32]; *Дед Тимофей Распутин рассказывал* [Там же, с. 83, текст 117]; *Конюха нашего колхозного Сережку Бочкарева увел* [Там же, с. 43, текст 52]; *Нил Платоныч партизанил тут где-то на Амурской* [Там же, с. 87, текст 127]; *Вот про Таню Касьянову* [Там же]. Интродуктивная референция во всех этих случаях осуществляется при помощи имени собственного, что сразу повышает степень определенности текста и обеспечивает эффект достоверности всему повествованию в целом.

В мифологических рассказах нередко упоминание имени собственного соседствует с актуализацией родственных связей и возрастных особенностей протагониста: *Иван Павлович Лончаков – того Афанасия-то брат, которому девяносто пять лет. Вот он рассказывал* [Там же, с. 12, текст 12]; *Здесь жил <...> Мошкин. Он вообще-то нездеиный. А за ним Афанасия Дементыча племянница, и мне она крестница* [Там же, текст 19]. В мифологических рассказах введение референта часто осуществляется при помощи терминов родства, что так же, как и упоминание имени собственного, повышает степень достоверности изображаемого события. Зачастую рассказчик передает историю, приключившуюся с его родственником. Объективность существования рассказчика, а также подлинность его родственных отношений с героем повествования придает эффект реальности даже самой фантастической истории, делает ситуацию, о которой идет речь, «реальной», т.е. значительно повышает степень референциальной определенности текста: *Это у дяди моего было* [Там же, с. 30, текст 30]; *Бабушка мне рассказывала. Ее отца – когда он был маленький – не любила мачеха* [Там же, с. 36, текст 43]; *Вот у нас бабушку – мать рассказывала моя – моей матери мать* [Там же, с. 191, текст 278]; *И мне папа рассказывал* [Там же, с. 222, текст 323]; *Моему свекру готовили коня на службу* [Там же, с. 147, текст 205]. Реальность имени, реальность родственных связей служит гарантом реальности происходящих с этим человеком (героем повествования) событий, какими бы фантастическими они ни были. Имя протагониста, актуализация родственных связей, как правило, упоминаются в начале повествования и задают тон всему мифологическому рассказу. Согласно каузальной теории референции, имена собственные рассматриваются в качестве «жестких деизгнаторов». При этом деизгнатор характеризуется жесткой и однозначной связью с предметом [4, с. 80]. Упоминаемые в фольклорных текстах имена собственных характеризуются разной степенью определенности, что коррелирует с жанровой спецификой текста. Например, в народных песнях именам собственным присуща низкая степень референциальной определенности, так как имя в песне не указывает на определенного референта: *Научу тебя, Ванюша, // Научу тебя, Ванюша // Как ко мне ходить, // Да как ко мне ходить* [5, с. 112, текст 207]. Но если мы обратимся к колыхальным песням, где имя варьируется в зависимости от того, кому эта песня поется, то увидим, что степень определенности имени в них очень высокая. Например, мать поет своей дочери: *Люли-люли-люли, // Прилетели гули, // Стали люлечку качать, // Мою Олю забавлять*.

Для мифологического рассказа принципиально важным является включение героя повествования (человека) в иерархическую систему родственных отношений. Нередко посредством подробного описания родственных отношений рассказчик обнаруживает свою связь с главным героем мифологического рассказа. Связь эта может актуализироваться не только как родственная, по мере повествования обнаруживаются связующие цепочки между рассказчиком и героями рассказа по другим категориям (месту жительства, возрасту): *А тут вот бабушка Кошкареха у нас все лечила. Вот Петька Кошкарев. <...> Дак его мать, вот Шура. Да она вот сестра Наседчихи, Насти. Она со мной с одного году, только она как-то уж постарела здорово. Ее «бабушка, бабушка» все «Шура». И вот она лечила это вот, в общем. У меня старуха тоже болела. Она лечила. Алексея – тоже вот дядька – тоже какой-то хомут ли че кто-то надел* [3, с. 14, текст 4]; *С дядей моим было. Родной дядя, отцов брат* [Там же, с. 21, текст 15]; *Тут у нас племянник. Он сына женил на той улице, на нижней-то живет* [Там же, с. 24, текст 18]; *Сват мой с женой Александрушкой хорошо жили* [Там же, с. 42, текст 51]; *Правда или нет... Бабка мне рассказывала про моего деда. С ним произошло это*

на охоте [Там же, с. 46, текст 58]; *Дядя жил на Такане тут, у города. Он на моей тетке был женат, на отцовой сестре, вернее сказать* [Там же, с. 26, текст 22]. Термины родства создают высокую степень определенности референта. А. Д. Шмелев говорит о существовании определенных именных групп, вне зависимости от контекста: «Определенной является именная группа *мои родители* в устах любого говорящего – даже если адресат речи с его родителями не знаком и ничего раньше про них не слышал. При логическом подходе определенность связывается с единственностью объекта, удовлетворяющего выбранной номинации. Так, мать у человека может быть только одна, поэтому именная группа *моя мать* является определенной <...>» [6, с. 74]. Примеры подобного рода в изобилии обнаруживаются в мифологических рассказах. Подобные дескрипции называются полными. Им противостоят неполные определенные дескрипции. Неполные определенные дескрипции делятся на такие, «которые получают определенность лишь в конкретной ситуации», и такие, «для которых нельзя восстановить исходной формы, не содержащей прагматической отсылки к речевому акту, – например, если референт вводится в поле зрения адресата речи посредством интродуктивного экзистенциального предложения: *Жил-был старик* (неопределенная ИГ). *У старика* (определенная ИГ) *был сын*» [Там же]. Наличие интродуктивных экзистенциальных предложений – характерная черта стилистики фольклорного текста. Широко известна устойчивость зачинов в русском сказочном фольклоре. Стержневую функцию в организации зачина выполняют именно интродуктивные экзистенциальные предложения. В мифологических рассказах полные определенные дескрипции востребованы в большей степени, нежели дескрипции неполные, что обусловлено прагматикой мифологического рассказа.

Если мы посмотрим, как вводятся в текст мифологического рассказа персонажи, принадлежащие двум разным полюсам (полюсу объективной реальности и полюсу мифологической реальности), то увидим значительную разницу. Стремление к максимально высокой определенности персонажа-человека контрастирует с очень низкой определенностью мифологического персонажа. Вероятно, в некоторых случаях имя «нечистого» табуировано, поэтому в мифологических рассказах актуализируются косвенные свидетельства его появления. Такая низкая степень определенности мифологического персонажа, как бы это ни было парадоксально, тоже работает на создание эффекта достоверности текста: *Легли, кто уснул, кто че... Вдруг слышим: лес трещит, да рядом! Будто деревья целы ломаются! Потом: топот, вроде идет кто* [3, с. 31, текст 32]; *И на свадьбе не столько на молодых глядели, сколько на стакан. Глядят: стакан опрокинутый, а его и не видали* [Там же, с. 42, текст 50].

Систему персонажей мифологического рассказа образно можно представить как противостояние двух полюсов. С одной стороны, в мифологических рассказах повествуется об обычных, известных рассказчику людях, существование которых является объективным фактом и не может быть поставлено под сомнение ни при каких обстоятельствах – «реальный человек». Персонажи, условно относимые к полюсу объективной реальности, актуализируются в тексте при помощи средств, повышающих степень референциальной определенности. Среди таких средств наиболее востребованы имена собственные и термины родства. На другом полюсе образной системы мифологического рассказа – представители сверхъестественных сил. В мифологическом рассказе референты неравноправны: мифологический персонаж реален настолько, насколько он взаимодействует с «реальным человеком». В мифологических рассказах эффект достоверности события достигается не только предельной конкретностью изображения персонажа – человека, но и схематичным описанием образа мифологического персонажа. Диаметрально противоположными средствами в рамках одного текста создается эффект объективного отражения «реальной ситуации».

Список источников

1. Левницкий Ю. А. Основы теории синтаксиса. М.: КомКнига, 2005. 368 с.
2. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Издательство «Ось-89», 2005. 570 с.
3. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. 401 с.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
5. Хороводные и игровые песни Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 248 с.
6. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

THE PECULIARITIES OF CHARACTERS REFERENCE IN THE MYTHOLOGICAL STORY

Golovaneva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
 Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
 gta-77@mail.ru

The organization of the referential plane of the folklore text is explained by its genre specificity in many ways. In mythological stories, the peculiarities of the characters actualization in the text are conditioned by the presence of two diametrically opposite poles of the objective and mythological realities. The high degree of definiteness of the human character contrasts with the extremely low degree of the reference of supernatural forces. The contrasting representation of the characters in the mythological story in the text is conditioned by the pragmatics of the genre and expresses the narrator's desire to achieve the effect of authenticity of the description of the meeting with the representatives of the mythical reality.

Key words and phrases: reference; mythological story; character; proper name; terms of kinship; degree of referent definiteness.